

DOI: 10.31857/S032150750031365-3

Протестное движение в Иране в 2022 г.: испытание для политической стабильности

© Филин Н.А.^{a,b}, Ходунов А.С.^{a,c}, 2024

^a РГГУ, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-4764-6939; n.filin@rggu.ru

^c ORCID: 0009-0004-2854-0567; nalim13s@mail.ru

Резюме. В статье анализируется протестная активность в Иране осенью 2022 г. Протесты оказались беспрецедентными за всю послереволюционную историю Ирана как по масштабу, так и по радикализму требований и, вероятно, по количеству жертв.

Протестное движение можно определить как секулярное и тем самым полностью противопоставленное исламскому режиму и его ценностям. Активная фаза протестов продолжалась около 2 месяцев, а самой активной группой протестующих оказались светски настроенные женщины, которые требовали отмены исламских ограничений на одежду. В протестах приняли участие представители самых разных социальных групп: от студентов и среднего класса до городских рабочих и национальных и религиозных меньшинств, особенно мусульман-суннитов (курдов и белуджей). Власти смогли взять ситуацию под контроль различными мерами, однако наотрез отказались идти на уступки протестующим.

В настоящее время ситуация в Иране относительно спокойная в связи с улучшением экономической динамики, но возобновление протестов в ближайшие годы вполне возможно.

Ключевые слова: Иран, протесты, Махса Амини, Али Хаменеи, хиджаб, секуляризация, курды, белуджи

Благодарность. Статья подготовлена в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2023 г., проект «Социально-политическое развитие современного Ирана через призму текстов иранских СМИ».

Для цитирования: Филин Н.А., Ходунов А.С. Протестное движение в Иране в 2022 г.: испытание для политической стабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 41–48. DOI: 10.31857/S032150750031365-3

Protest Movement in Iran in 2022: A Test for Political Stability

© Nikita A. Filin^{a,b}, Alexander S. Khodunov^{a,c}, 2024

^a Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-4764-6939; n.filin@rggu.ru

^c ORCID: 0009-0004-2854-0567; nalim13s@mail.ru

Abstract. The article analyzes protest activity in Iran in the autumn of 2022. The 2022 protests turned out to be unprecedented in the entire post-revolutionary history of Iran, both in scale and in the radicalism of demands and probably by the number of victims.

The active phase of the protests lasted about two months, and the most active group of protesters were secular-minded women who demanded the abolition of Islamic restrictions on clothing. The protests brought together representatives of a variety of social groups, from students and the middle class to urban workers and national and religious minorities, especially Sunni Muslims (Kurds and Baluchis). The authorities were able to take control of the situation through various measures (forceful actions and, subsequently, a broad amnesty in honor of the anniversary of the Islamic Revolution) and flatly refused to make concessions to the protesters.

Currently, the situation in Iran is relatively calm due to improving economic dynamics, but protests in the coming years are quite possible.

Keywords: Iran, protests, Mahsa Amini, Ali Khamenei, hijab, secularization, Kurds, Baluchis

Acknowledgement. The article was prepared within the framework of the program “Project Scientific Teams of the Russian State University for the Humanities” in 2023. The title of the project is “Socio-political development of modern Iran through the prism of Iranian media texts.”

For citation: Filin N.A., Khodunov A.S. Protest Movement in Iran in 2022: A Test for Political Stability. *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 41–48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031365-3

ВВЕДЕНИЕ

16 сентября 2022 г. оборвалась жизнь почти 23-летней курдской девушки-студентки Махсы (её курдское имя Жина) Амини после того, как её задержала полиция нравов.

Согласно официальной версии, причиной её смерти стал сердечный приступ. Оппозиционно настроенные иранцы не преминули обвинить в смерти девушки полицию нравов и в конечном счете сам исламский режим. В стране начались стихийные протесты, которые в скором времени охватили весь Иран и стали, возможно, самыми массовыми, а с точки зрения лозунгов и требований, без сомнения, самыми радикальными за всю историю исламского режима.

На первый взгляд, Иран динамично и успешно развивается в социальной, экономической и военной сфере. В стране строятся фабрики и заводы, крупные инфраструктурные объекты, наблюдаются благополучные для региона показатели здравоохранения и образования. Политический режим производит впечатление стабильного, устойчивого и поддерживаемого с помощью регулярных выборов.

Но если посмотреть глубже и внимательнее, можно заметить целый ряд достаточно негативных и тревожных процессов. Прежде всего, надо отметить жесткие западные санкции, навязываемые стране с 2012 г. и подразумевающие запрет экспортировать нефть – основной источник дохода страны (Иран её экспортирует в обход санкций, но с большими скидками). Санкции (наряду с серьезными ошибками в экономической политике) очень сильно повлияли на экономику: ВВП на душу населения Ирана в 2022 г. остался таким же, как в 2011 г., – \$15,3 тыс. и упал ниже среднемирового уровня¹.

Что касается внутривнутриполитической обстановки, на последних президентских (2021) выборах явка упала значительно ниже обычного уровня – до 50% (а на выборах 2009 г. – 85%). Важнейшей причиной столь низкой явки является исключение ярких реформистских кандидатов [1, с. 123–133]. Эта ситуация отражает процесс усиления влияния консерваторов в политической системе Ирана на фоне всё большего стремления граждан к политическим и социальным реформам, что вызывает разочарование избирателей.

Гораздо бóльшая опасность для политической стабильности – постепенный отход всё большего числа граждан от поддержки существующего исламского режима.

Для Ирана в последние годы массовые несанкционированные акции протеста с десятками, а то и сотнями тысяч участников, многие из которых выдвигают бескомпромиссные лозунги против правящего исламского режима, стали уже обычным явлением. Следует отметить протесты в конце декабря 2017 г. – начале января 2018 г., а также в ноябре 2019 г. [2, с. 266–269]. А в сентябре 2022 г. в стране начались очередные масштабные протесты. Их активная фаза длилась 2 месяца – с середины сентября по середину ноября. В протестах участвовали около 2 млн человек в 160 больших и малых городах во всех провинциях Ирана, при этом было проведено 1200 протестных акций [3].

ХОД ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ОСЕНИ 2022 г.

Сразу после новости о гибели Махсы Амини протесты охватили её родной город Секкез и Сенендедж (иранский Курдистан). Очень скоро протесты перекинулись на Тегеран. Уже к 20 сентября массовые демонстрации прошли в 16 из 31 провинций страны. Постепенно протесты охватили все провинции.

Основными центрами протестного движения стали крупнейшие города, а также провинции, населенные национальными меньшинствами, особенно Курдистан и Западный Азербайджан, в котором значительную часть населения составляют курды, а также Систан и Белуджистан. Если говорить об основных лозунгах протестующих, то главным из них стал лозунг «Женщина, жизнь, свобода», возникший, по некоторым сведениям, среди курдской оппозиции. Этот лозунг отражал массовое участие в протестном движении женщин, требовавших отмены обязательного соблюдения заповеди об исламской одежде, разрешения одеваться свободно и не покрывать волосы. Причем впервые в протестах активно участвовали не только женщины и девушки-студентки, но и школьницы.

Как можно видеть, главное требование протестующих радикально противоречило одному из основных постулатов исламского режима, а именно: необходимо заставлять всех граждан соблюдать базовые

¹ World Bank. World development indicators online. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 07.02.2024)

исламские заповеди в общественных местах, особенно заповедь о целомудренной одежде, вне зависимости от их желания.

Среди других требований, часто повторявшихся в ходе демонстраций, были такие как ликвидация полиции нравов, справедливое расследование гибели Махсы Амини и наказание виновных, а также немедленная отставка рахбара (Верховного Лидера) Али Хаменеи и ликвидация исламского режима. Поэтому протестное движение можно однозначно определить как секулярное и тем самым полностью противопоставленное исламскому режиму и его ценностям [3]. Это не значит, что среди демонстрантов не было верующих мусульман. На фотографиях и видео демонстраций можно было видеть, в частности, некоторых женщин с покрытыми головами. Очевидно, что в протестном движении принимали участие также и мусульмане – сторонники светского государства, считающие исламский режим с его неразрывным соединением государства и религии устаревшим в современных условиях.

Власти Ирана, осознав, насколько многочисленны протесты, тем более с такими радикальными требованиями, немедленно приняли меры по их подавлению. В города с большим числом протестующих были введены силы, преданные режиму, – КСИР (элитное подразделение армии) и Басидж (народная милиция). Демонстранты уже имели опыт столкновения с силами правопорядка в прошлых протестах и поэтому решили изменить тактику: собирались и быстро расходились, переезжали из одного города в другой, стараясь скрыться от служителей режима. Чтобы протестующим было сложнее поддерживать связь, власти отключили интернет в дни особенно активных демонстраций, и тогда их участники перешли к СМС-сообщениям [4].

Протесты с достаточно большой силой продолжались примерно до середины ноября 2022 г., а затем стали постепенно затухать. Среди значительных последовавших событий необходимо назвать всеобщую забастовку 5–7 декабря 2022 г., в которой приняли участие работники многих важных предприятий (включая в том числе крупнейший нефтяной терминал страны в Бендер-Махшехре и крупнейшую транспортную компанию в Исфахане) из 63 городов. В дальнейшем протесты фактически сошли на нет (за исключением Захедана, где протесты постоянно проходили по пятницам), и даже годовщина смерти М.Амини не вызвала сколько-нибудь существенного всплеска протестной активности.

Следует сказать, что некоторые известные общественные деятели Ирана – спортсмены, актеры, художники, преподаватели университетов – выразили солидарность с протестующими. Протесты поддерживали также некоторые представители духовенства, прежде всего пятничный имам Захедана Моулави Абдул-Хамид Исмаилзахи, суннит, выступивший против дискриминации белуджей и за то, чтобы граждане Ирана определили подходящий режим на референдуме. Интересно, что среди белуджей, участвовавших в протестах, резко преобладали мужчины – верующие мусульмане, а протестующие женщины были одеты в платки и строгую исламскую одежду, что говорит о сохраняющейся очень высокой религиозности белуджей и резко контрастирует с остальной частью Ирана.

Протесты получили необычайную популярность во всем мире и особенно среди иранцев, проживающих в США и Западной Европе – в Берлине в их поддержку вышли 80 тыс. иранцев [5]. Лидеры западных стран осудили Иран за подавление протестов.

Что касается числа жертв, то между версиями властей и оппозиции существуют радикальные различия.

Если власти заявляют примерно о 200 погибших, среди которых, по их утверждению, большинство составили силы режима – полицейские, сотрудники КСИР и обычные сторонники исламского режима², то, по версии оппозиционной правозащитной организации *Iran Human Rights*, в ходе подавления демонстраций был убит 551 мирный житель (из них 136, или 25%, – в провинции Белуджистан, а 113, или 21%, – в двух преимущественно курдских провинциях), включая 49 детей и 60 женщин, а протестующие убили 68 служителей режима³.

Эти данные нуждаются в дополнительных независимых исследованиях, но очевидно, что число жертв было очень значительным, особенно в курдских и белуджских городах, где наблюдались наиболее ожесточенные столкновения между силами режима и демонстрантами. К тому же 7 участников протестов были казнены по обвинению в тяжелых уголовных преступлениях.

² 200 نفر در اغتصابات اخیر جان خود را از دست دادند (200 people lost their lives during the recent unrests). (In Pers.). <https://mehrnews.com/news/5645721/> (accessed 08.02.2024)

³ One Year Protest Report: At Least 551 Killed and 22 Suspicious Deaths. Iran Human Rights. 15.09.2023. <https://iranhr.net/en/articles/6200/> (accessed 09.02.2024)

Впрочем, необходимо отметить и такой жест власти, как помилование 22 тыс. арестованных демонстрантов, не совершивших тяжких преступлений, которых отпустили на свободу в честь годовщины исламской революции в феврале 2023 г. Однако исламский режим наотрез отказался идти на какие-либо уступки по основным требованиям протестующих. Более того, контроль над ношением хиджаба женщинами был даже значительно ужесточен – теперь «нарушительниц заповедей» выявляют с помощью камер распознавания лиц и списывают с их карточек штраф (резко увеличившийся в прошлом году).

В настоящее время ситуация в стране остается стабильной вследствие некоторого улучшения экономической ситуации и резкого роста доходов от экспорта нефти. Но эта стабильность вряд ли сохранится надолго, учитывая очень серьезные противоречия между властью и значительной частью общества.

ПРОТЕСТЫ В ИРАНЕ И СИРИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Если посмотреть на протестные движения в других странах Ближнего Востока, то наиболее сходной с ситуацией в Иране окажется ситуация в Сирии, особенно в 2011 г., до её перехода в стадию гражданской войны. В отличие от Сирии, в которой режим (при серьезной внешней поддержке) смог пережить и протесты, и гражданскую войну, в других ближневосточных странах, где прошли массовые протесты, в частности в Египте и Тунисе, режимы не смогли удержаться и пали в течение нескольких недель, а в Ливии произошло полномасштабное внешнее вмешательство на стороне восставшей оппозиции, в результате которого режим Каддафи был свергнут.

Если обратиться к ходу протестов 2022 г. в Иране и протестов 2011 г. в Сирии, можно видеть, что они начались сходным образом и из-за очень похожего повода.

В Иране, как уже было сказано, протестующие обвинили полицию режима в убийстве девушки. В Сирии же протестующие обвинили службу безопасности в жестоком убийстве подростка Хамзы аль-Хатиба из города Дерья, который требовал отставки президента Башара Асада. И в Иране, и в Сирии (в последней не сразу, а через некоторое время) протестующие выдвигали радикальные лозунги с требованием полной ликвидации существовавшей политической системы и призывали к отставке или даже смерти лидеров – Хаменеи и Асада соответственно. В обеих странах также очень значительную роль играли экономические лозунги и требования улучшить уровень жизни и повысить зарплаты.

В обеих странах власти пошли на некоторые уступки (в частности, освобождение части задержанных, отставка некоторых непопулярных чиновников и повышение зарплаты некоторым категориям работников), однако протестующие в обеих странах сочли их совершенно незначительными и продолжили свою активность.

В обеих странах в протестах принимали участие самые разные социальные слои, причем особенно активную роль играли представители среднего класса, студенты и городская беднота. В обеих странах протесты охватили (хоть и в разной степени) все провинции и все основные города. Кроме того, и там и там наиболее активное участие в протестах приняли мусульмане-сунниты как дискриминируемая конфессиональная группа [о протестах в Сирии см.: 6, с. 51–74].

По данным одной правозащитной организации, занимающейся нарушением прав в ближневосточных странах (которые, впрочем, нуждаются в проверке), курды в Иране при 7% населения составили в 2018 г. 45% политзаключенных, а белуджи при 3% населения – 19% политзаключенных. То есть на эти два суннитских народа, составляющих менее 10% населения Ирана, приходится две трети политзаключенных. Многие курдские ученые, журналисты и активисты сообщают, что лично пережили дискриминацию по конфессиональному признаку, особенно при приеме на работу, и что курды не могут добиться расширения своих национально-культурных прав при существующем режиме [7].

В Сирии арабы-сунниты хоть и являются большинством населения, но в течение десятилетий находились в подчиненном положении по отношению к правящей конфессии алавитов (алавиты особенно резко преобладали на ключевых постах в правительстве и армии) и сталкивались с дискриминацией, особенно при приеме на работу и в плане обеспеченности районов их компактного проживания инфраструктурой. Курды-сунниты, составляющие до 15% населения, были дискриминированы в еще большей степени и ограничены в своих национальных правах, а многие до 2011 г. даже не имели сирийского гражданства⁴.

⁴ Syria's Kurds: from the margins to de facto autonomy. *France 24*. 30.01.2018. <https://www.france24.com/en/20180130-syrias-kurds-margins-de-facto-autonomy> (accessed 10.02.2024)

Хафез как бы восхищался сирийским протестным движением, заявляя, что протестующие сирийцы на улицах проявляют «беспримерный в мировой истории героизм и храбрость» и что «великая и благословенная сирийская революция» имеет такое же колоссальное значение для всего мира, как изобретение электричества и даже рождение Христа. При этом он всюду ругал правящий режим, называя его «оккупационным» и «жестоким» и обвиняя войска режима в применении огнестрельного оружия и даже танков против безоружных демонстрантов, в результате чего протестующие понесли большие потери: «15 тысяч мучеников и тысячи раненых».

В.Хафез также заявил, что именно оппозиционное протестное движение, а вовсе не режим, является «истинным голосом сирийского народа». В то же время его оппонент говорил, что сирийскую зарубежную оппозицию внутри страны никто не поддерживает и что так называемая «революция» не представляет из себя ничего, кроме жестоких убийств экстремистами и проникшими извне террористами сирийских военных, полицейских и обычных граждан. Он также обвинил оппозицию, что она с помощью Запада тянет страну в полномасштабный кровавый хаос, как произошло в Ливии⁷.

Иранские официальные лица, особенно религиозные деятели, вступая в заочную полемику с оппозиционерами, выдвигают практически такие же аргументы, что и Б.Абу Абдалла по отношению к сирийской протестующей оппозиции, добавляя еще обвинения в осквернении и разрушении религиозных святынь под предлогом протеста против режима и достижения свободы, а также в стремлении разрушить религиозность иранцев, в частности путем борьбы против ношения хиджаба – «величайшего благословения, которое Бог дал женщинам», чтобы Запад смог легче добиться контроля над иранским обществом⁸.

Если перейти к имеющимся отличиям ситуации в двух рассматриваемых странах, то наиболее очевидным является характер режима, против которого выступают демонстранты, – в Иране это консервативная исламская теократия (подробнее см. [9, с. 231–234]), а в Сирии – последовательно светский (хотя и не атеистический) режим. Важным отличием также является гораздо меньшая религиозность представителей иранской оппозиции по сравнению с сирийской, которая часто апеллирует к исламу и исламским ценностям, обвиняя светский режим Асада в отходе от традиционных религиозных норм. Иранские же оппозиционеры в основном делают акцент на западных демократических ценностях (хотя о них иногда говорят и лидеры протестующих сирийцев) и, наоборот, жалуются на чрезмерное навязывание религии режимом.

Более того, в иранском обществе в последнее время всё больше наблюдаются тенденции отхода не только от поддержки исламского режима, но и от исламской религии в целом – прежде всего это касается персов-шиитов. Бывшие мусульмане переходят в атеизм, а также в зороастризм, который многие выбирают как традиционную иранскую религию. В среде бывших мусульман Ирана, особенно симпатизирующих зороастризму, иногда встречается ненависть к арабам, ненависть к исламу как к «навязанной арабами религии» и стремление избавиться от всех арабских элементов в языке и культуре Ирана⁹ [10, с. 138–139].

Подобные взгляды означают серьезную опасность для исламского режима, а во многом и для традиционной ирано-исламской культуры. Тем более что самые радикальные круги среди атеистов и зороастрийцев в своей эмоциональной злобе к исламской культуре не останавливаются перед такими вопиющими преступлениями, как убийства представителей духовенства, – например, в апреле 2022 г. в мавзолее имама Резы в Мешхеде были убиты двое священнослужителей-шиитов, а в мечети города Гомбед-Кабус были расстреляны двое суннитских духовных лиц¹⁰. Убийц не останавливает даже наличие в стране серьезных средств госбезопасности.

В Сирии не только не существует подобной неприязни к исламу среди оппозиции, но и, наоборот, жители восставших городов и регионов обычно начинали еще более тщательно соблюдать религиозные исламские нормы в частной и общественной жизни. Также среди протестного движения в конце 2011 –

⁷ المجلس الوطني السوري (Syrian National Council). (In Arab.). <https://www.aljazeera.net/programs/opposite-direction/2011/10/16/المجلس-الوطني-السوري> (accessed 11.02.2024)

⁸ هدف اغتصابات اخير ضربه زدن به دين و روحانيت بود (The aim of recent riots was to attack religion and clergy). (In Pers.). <https://isna.ir/news/1401100402135> (accessed 15.02.2024)

⁹ Disenchanted Iranians are turning to other faiths. *The Economist*. 21.01.2021. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2021/01/21/disenchanted-iranians-are-turning-to-other-faiths> (accessed 17.02.2024)

¹⁰ Iran stabbing attack leaves 1 dead, 2 injured at holy shrine. *Associated Press*. 06.04.2022. <https://apnews.com/article/iran-middle-east-tehran-3797386b74d580cc55e375764d8da8c2> (accessed 13.02.2024)

первой половине 2012 г. наблюдался быстрый рост популярности политического ислама, а в некоторых случаях такое опасное явление, как рост радикального исламизма, что сопровождалось ненавистью к алавитам как «еретикам» [6, с. 87].

Протесты в Сирии продолжались значительно дольше, чем в Иране, а процент сирийцев, принимавших участие в протестах, оказался значительно большим, чем процент иранцев, что можно в значительной степени связать с очень большим количеством молодежи – до 1 миллиона, прибывшей в сирийские города из деревень в результате сильнейшей засухи 2007–2010 гг. и неудачной экономической реформы.

Кроме того, в сирийском населении доля молодежи в 2011 г. была гораздо выше, чем в Иране в 2022 г. из-за гораздо более высокой рождаемости, что придало протестам намного больший размах. Именно демографический фактор в Сирии в значительной степени (наряду с жесткими действиями некоторой части сирийской армии и полиции) способствовал переходу изначально в основном невооруженных протестов в полномасштабную гражданскую войну [6, с. 164].

Стоит также кратко упомянуть о характеристике последней волны иранских протестов в официальных иранских СМИ (а именно – агентство ИРНА). Слово «беспорядки» для их описания использовалось в материалах агентства в 4803 случаях, «бунты» – в 1864 случаях. Что касается нейтральных терминов, то термин «протесты» был употреблен в 4168, а «собрания» – в 529 случаях. Очевидно, что в официальных СМИ заметно преобладает негативная оценка протестов (в 1,4 раза чаще, чем нейтральная), что связано с большим масштабом и радикализмом протестов, вызвавших серьезное беспокойство властей¹¹.

Провести такой же анализ сирийских официальных СМИ не было возможности, однако при чтении СМИ и речей высшего руководства Сирии, даже без статистического подсчета, сразу бросается в глаза очевидное преобладание негативной характеристики протестного движения. Причем там для описания протестов употребляются еще более жесткие слова, чем в Иране, чтобы показать их преимущественно деструктивный характер (по версии властей): «терроризм», «бандитизм», «иностранные наемники», «мятеж и разрушение родины»; «вооруженные группировки, проводящие диверсионные операции» и др.

О той части протестующих, которая не применяла насилие, говорится, что им свойственна «недальновидность и ограниченность видения» и поэтому они «ошибаются», следуя за «иностранными заговорщиками», надеясь улучшить положение страны, но не догадываясь об их истинных целях¹².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно сделать вывод, что Иран в 2022 г. оказался охваченным беспрецедентными по масштабу протестами с конца 1970-х гг., а их требования были самыми бескомпромиссными за всю историю исламского режима. Протесты также носили подчеркнuto секулярный характер и открыто посягали на основные принципы исламского режима. Протестующим, несмотря на столь большую активность, не удалось добиться выполнения ни одного из своих главных требований.

Протесты привели к многочисленным жертвам, а инфраструктуре и экономике был нанесен значительный ущерб. Однако в настоящее время ситуация в Иране, очевидно, успокоилась, во многом за счет улучшения экономической ситуации и резкого роста доходов от экспорта нефти.

Но нельзя исключать возобновления интенсивных протестов в случае отсутствия серьезных политических реформ.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Филин Н.А., Кокликов В.О., Ходунов А.С. Избирательная система Исламской республики Иран. *Современные избирательные системы*. Вып. 16: *Иран, Латвия, Литва*. Ред. В.И.Лафитский. М.: РЦИОИТ, 2021.

¹¹ آرشیو خبرگزاری ایرنا (Archive of the Information Agency IRNA). (In Pers.), <https://www.irna.ir/search?q> (accessed 12.02.2024)

¹² المعلم: تقرير المراقبين لم يعجب أصحاب المخطط ضد سورية. الحل السوري ينبع من مصالح الشعب. موقف القيادة حازم وقوي تجاه ما تتعرض له سورية في الداخل والخارج (Al-Muallem: The observers' report did not please those who were plotting against Syria. The Syrian solution is based on the interests of the people. The leadership's position is firm and strong regarding what Syria is being subjected to at home and abroad). (In Arab.). <http://mofaex.gov.sy/ar/pages236/> -موقف-القيادة-حازم-وقوي-تجاه-ما-تتعرض-له-سورية-في-الداخل-والخارج (accessed 15.02.2024)

- Filin N.A., Koklikov V.O., Khodunov A.S. 2021. Electoral system of the Islamic Republic of Iran. *Modern electoral systems. Vol. 16: Iran, Latvia, Lithuania*. Ed. V.I.Lafitskiy. Moscow. (In Russ.)
- Ходунов А.С. Массовые протесты в Иране в 2017–2019 гг.: причины, ход событий, итоги. *Власть*. 2021. № 5. С. 266–270. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8570>
 - Khodunov A.S. 2021. Mass protests in Iran in 2017–2019: causes, course of events, results. *Vlast*. № 5. Pp. 266–270. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8570>
 - Bayat A. 2023. Is Iran on the Verge of Another Revolution? *Journal of Democracy*. Vol. 34. № 2. Pp. 19–31.
 - Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Иран: проблемы и протесты. *Восточная аналитика*. 2022. Т. 13. № 3. С. 9–30.
 - Dunaeva E.V., Mamedova N.M., Sazhin V.I. 2022. Iran: problems and protests. *Eastern Analytcs*. Vol. 13, № 3. Pp. 9–30. (In Russ.)
 - Bellaigue C. Iran's moment of truth: what will it take for the people to topple the regime? *The Guardian*. 06.12.2022. <https://www.theguardian.com/world/2022/dec/06/irans-moment-of-truth-what-will-it-take-for-the-people-to-topple-the-regime> (accessed 14.02.2024)
 - Ахмедов В.М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 196 с.
 - Akhmedov V.M. 2018. Syrian uprising: history, politics, ideology. Moscow. 196 p. (In Russ.)
 - Akbarzadeh Sh., Shahab Ahmed Z., Laoutides C., Gourlay W. 2019. The Kurds in Iran: balancing national and ethnic identity in a securitized environment. *Third World Quarterly*. Vol. 40. Iss. 6. Pp. 1145–1162. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1592671>
 - Филин Н.А., Кокликов В.О., Ходунов А.С. Массовые протестные акции в Иране осенью 2022 г.: факторы, динамика, реакция властей. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2023. № 4. С. 332–346.
 - Filin N.A., Koklikov V.O., Khodunov A.S. 2023. Mass protests in Iran in the autumn of 2022: factors, dynamics, reaction of the authorities. *RSUH/RGGU Bulletin*. Series: Political Science. History. International Relations. № 4. Pp. 332–346. (In Russ.)
 - Филин Н.А. Легитимация власти Верховного лидера (рахбара) Ирана согласно интерпретации основных иранских политических и религиозных деятелей. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2020. № 4. С. 230–238.
 - Filin N.A. 2020. Legitimation of the power of the Supreme Leader (rahbar) of Iran according to the interpretation of the major Iranian political and religious figures. *RSUH/RGGU Bulletin*. Series: Political Science. History. International Relations. № 4. Pp. 230–238. (In Russ.)
 - Филин Н.А., Ходунов А.С. Некоторые особенности персидской культуры поведения в контексте историко-культурной идентичности персидского народа. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2019. № 3. С. 131–147.
 - Filin N.A., Khodunov A.S. 2019. Some peculiarities of the Persian culture of behavior in the context of historical and cultural identity of the Persian people. *RGGU Bulletin*. Series: Political Science. History. International Relations. № 3. Pp. 131–147. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Филин Никита Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук РГГУ, Москва, Россия.

Ходунов Александр Сергеевич, преподаватель, кафедра современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук РГГУ, Москва, Россия.

Nikita A. Filin, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Head, Department of Modern East and Africa, Faculty of Oriental Studies and Social and Communication Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Alexander S. Khodunov, Lecturer, Department of Modern East and Africa, Faculty of Oriental Studies and Social and Communication Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.04.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 11.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.06.2024